

Рейхель Мария Каспаровна

**Отрывки из воспоминаний
М.К. Рейхель и письма к ней
А.И. Герцена**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Каспаровна Р.**
Отрывки из воспоминаний М.К. Рейхель и письма к ней А.И. Герцена / Рейхель
Мария Каспаровна – М.: Книга по Требованию, 2025. – 131 с.

ISBN 978-5-519-80536-0

ISBN 978-5-519-80536-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МАРЬЯ КАСПАРОВНА РЕЙХЕЛЬ
(съ фотографіи 1860-хъ годовъ).

Я дожила до глубокой старости, много свѣтлаго и замѣчательнаго видѣла я на своемъ долгомъ вѣку, но не рѣшалась записать мои воспоминанія, не довѣряя своему умѣнью. Теперь приступаю къ этому труду только вслѣдствіе желанія дѣтей. Боюсь, что память моя не все сохранила, такъ какъ жизнь моя не разъ мѣняла рамки, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я осталась совсѣмъ заграницей; другіе люди, другіе нравы, взгляды и обычаи окружали меня, много свѣтлаго, замѣчательнаго и много разочарованій, много тяжелаго, печальнаго, личнаго и общаго пережито здѣсь мною.

Начну съ дѣтства. Родилась я въ городѣ Тобольскѣ въ Сибири, въ 1823 г. Оттуда очень маленькой перевезена была въ Тару, гдѣ отецъ мой, Каспаръ Ивановичъ Эрнъ, былъ окружнымъ начальникомъ. Едва минуло мнѣ четыре года, какъ скончался отецъ. Несмотря на ранній возрастъ, мнѣ запомнился домъ; гдѣ мы жили въ Тарѣ, помню даже и нѣкоторыя комнаты въ немъ. Въ одну изъ нихъ, должно быть, дѣтскую, приходилъ учитель къ брату Мишѣ, который былъ тремя годами старше меня. По окончаніи урока, я бѣгала въ спальню достать изъ ящика туалета матери сѣренькія, съ синими ободками, карточки съ буквами и раскладывала ихъ передъ учителемъ. Въ старые годы начинали учить грамотѣ очень рано. Позади дома текла рѣчка съ невысокими берегами, куда мы съ няней ходили гулять. Помню я, какъ однажды, во время прогулки, поднялся вѣтеръ и снесъ картузикъ съ головы брата. Почти въ томъ же возрастѣ мать моя водила меня два раза въ церковь: одинъ разъ, когда присягали Константину Павловичу, а потомъ, когда присягали Николаю Павловичу. Она думала, что я запомню эти событія, но они не были для меня такъ занимательны, какъ сорванный картузъ брата, и потому не сохранились въ моей памяти. Мое пребываніе въ Тарѣ закончилось грустнымъ событіемъ,—смертью отца и его похоронами, изъ которыхъ нѣсколько эпизодовъ остались у меня навсегда въ памяти: помню, какъ одна женщина въ шушунѣ (родъ кофты) поднесла меня поцѣловать усопшаго, который, по русскому обычаю, лежалъ на столѣ. Помню и выносъ отца, который я видѣла изъ окна. Дѣтскимъ ли сердцемъ чувствовала я потерю, или необыкновенность происходящаго поразила меня, но только это впечатлѣніе осталось у меня

навсегда. Я долго помнила черты его лица, теперь только одна его фигура еще въ памяти. Отецъ мой былъ изъ Финляндіи, изъ города Выборга. Все, что я объ немъ потомъ слышала отъ людей, которые его знали, были отзывы объ его необыкновенной добротѣ и честности, что и доказывается тѣмъ, что онъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія. Въ Выборгѣ должны быть родственники моей семьи; одного изъ нихъ посѣтилъ мой братъ, когда тамъ былъ проѣздомъ. Въ библіи его стояло и имя моего отца; туда же братъ внесъ и наши имена. Незнаю, какъ попалъ мой отецъ въ Сибирь, но сосланъ онъ не былъ; также не знаю, гдѣ онъ въ первый разъ женился, такъ какъ моя мать была уже его второй женой. Родословной у меня нѣтъ, да я и мало объ ней заботилась: честное имя отца мое главное достояніе. Уже на одрѣ смерти отецъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, но мать отказалась отъ него,—чиновъ не даютъ иначе, какъ вычитая изъ жалованья.

Послѣ кончины отца мы переѣхали въ Тобольскъ, въ свой собственный домъ. Помню длинную дорогу и какой-то длинный мостъ, вѣроятно, состоявшій изъ хворосту, положеннаго черезъ болото. Теперь большой пробѣлъ,—первое время въ Тобольскѣ не оставило воспоминаній. Помню, что лѣтъ шести я уже могла бѣгло читать. Училась я дома,—школы для дѣвочекъ тамъ тогда еще не существовало. Училъ меня одинъ изъ братьевъ, который былъ учителемъ въ школѣ для мальчиковъ. Онъ былъ очень строгъ, и я его боялась; помню, что я русскую грамматику знала всю наизусть отъ доски до доски. Русскую исторію онъ задавалъ мнѣ по нѣскольку страницъ также учить наизусть. Кромѣ этого, я училась разнымъ рукодѣліямъ: шить, вязать, вышивать и плести кружева; на изящныя работы мать моя не очень налегала,—многое начиналось и не кончалось; помню еще теперь, какъ упрекъ, пальцы, висѣвшіе на стѣнѣ съ неоконченной работой. Что касается до шитья и вязанья, то тутъ мать моя требовала прилежанія и аккуратности. „Та-ли-то невѣста, что кривыя-то заплаты платить“,—повторяла она, когда я неаккуратно чинила, и отрывала пришитое, съ приказаніемъ передѣлать все снова. За это я ей очень благодарна, потому что въ послѣдующей жизни это мнѣ очень пригодилось. Тутъ же кстати замѣтить, что всякая взрослая дѣвица, еще и не имѣя жениха, называлась невѣстою. И маленькихъ дѣвочекъ награждали, или лучше сказать, дразнили женихами; и у меня они тоже были, но я пряталась куда только могла, когда приходилъ кто-нибудь изъ нихъ. Особенно помню одного сѣдого жениха, который долженъ былъ взять меня съ собою въ гости къ знакомымъ; я плакала и упрямилась, но это не помогло,—женихъ завернулъ меня въ свою шубу и увезъ.

Нашъ домъ былъ двухъэтажный, деревянный; онъ стоялъ на углу Рождественской улицы, противъ церкви св. Рождества; каменныхъ, т.-е. построенныхъ изъ кирпича, было тогда въ Тобольскѣ только нѣсколько домовъ. Сзади былъ большой дворъ, разныя службы для двора (у насъ было нѣсколько крѣпостныхъ) и позади всего этого огромный огородъ съ баней въ концѣ. Я очень любила цвѣты, и мать удѣлила мнѣ уголокъ для цвѣтника и небольшую лужайку съ дерновой скамьей. Я сѣяла тамъ ноготки, васильки, мальву, слѣдила за всходомъ сѣмянъ; иногда, тайкомъ отъ матери, бѣжала съ постели босая посмотреть, не взошло ли что новое въ моемъ цвѣтникѣ. Развлеченій у меня было мало, однѣ только куклы, да и послѣднія были очень примитивнаго свойства; но я ихъ любила и прилежно наряжала въ собственноручный туалетъ.

Итакъ, я рано начала учиться, какъ уже говорила выше, у моего брата. Впослѣдствіи, когда онъ поступилъ на должность и оставилъ Сибирь, приходилъ ко мнѣ семинаристъ для географіи и рисованія. Этотъ семинаристъ, молодой, смиренный юноша, но, кажется, уже тогда интересовавшійся мною, говорилъ мнѣ часто: „ахъ, Вы-съ“. Я смекнула, что онъ былъ слабъ ко мнѣ, и не давала себѣ труда заучивать наизусть многочисленные города Россійской Имперіи и попросту называла ихъ по картѣ. Съ нимъ же рисовала Моисея, но и тутъ мы не далеко ушли. Въ Москвѣ, когда я уже была взрослая, онъ письменно дѣлалъ мнѣ предложеніе. Мать моя держала пансіонеровъ, обыкновенно, изъ молодыхъ чиновниковъ, пріѣзжавшихъ на три года изъ Россіи. Должно быть ихъ не доставало тогда въ Сибири, за службу тамъ въ теченіе трехъ лѣтъ они скорѣе получали чинъ и даровые прогоны. Одинъ изъ нихъ, жившій у насъ, началъ, по моимъ усиленнымъ просьбамъ, давать мнѣ уроки французскаго языка. Несмотря на хорошія качества Якова Петровича, онъ не былъ терпѣливымъ учителемъ, былъ не въ мѣру требователенъ; часто кончались уроки наши слезами, и мать моя, несмотря на всю свою строгость, начала смотрѣть сквозь пальцы на недовольство учителя. Тѣмъ не менѣе онъ меня подвинулъ впередъ. Братья мои мало-по-малу опредѣлялись, старшій,—отъ первой жены моего отца, Егоръ Каспаровичъ, былъ уже женатъ. Онъ наследовалъ бѣлокурый нѣмецкій типъ и необыкновенную доброту отца. Мнѣ случилось слышать, какъ онъ защищалъ меня отъ строгости матери, и вообще все, что я объ немъ помню, складывается въ моемъ сердцѣ въ чистый, благородный образъ. Послѣ отъѣзда Якова Петровича Рожнова, началъ давать мнѣ уроки французскаго языка ссыльный Павелъ Петровичъ Леманъ; послѣ строгости его предшественника, я чувствовала себя съ нимъ на седьмомъ небѣ. Онъ былъ очень хорошій человѣкъ и частый гость у насъ; сосланъ онъ былъ за какое-то легкомысліе молодости,

да такъ и остался до смерти въ Сибири. Иногда собирались у насъ немногіе изъ ссыльныхъ, которыхъ называли въ Сибири несчастными. Если всякое паденіе въ ошибку или преступленіе само по себѣ несчастье, то тѣмъ не менѣе не ко всѣмъ въ равной степени можно примѣнить это названіе. Тѣ, которые у насъ бывали, были сосланы по политическимъ мотивамъ. Я помню ребенкомъ двухъ сосланныхъ дворянъ, которыхъ видѣла въ маскарадѣ, куда меня водили; они были одѣты птицами, весело вертѣлись по залѣ и не были похожи на несчастныхъ. Еще до моего появленія на свѣтъ привезена была въ Тобольскъ одна тяжкая преступница, молодая женщина. Она осуждена была въ гораздо болѣе дальнюю мѣстность. Тамъ она заболѣла. Ея молодость и красота тронули начальство, ее оставили въ Тобольскѣ. Я видала ее уже очень немолодою, съ блѣднымъ истощеннымъ лицомъ, въ монашеской одеждѣ. Она не ѣла мяса и вообще постилась,—но должно быть это не было настоящее средство, чтобъ смириться. Добрые люди брали ее къ себѣ и давали содержаніе, но, какъ говорили, она не уживалась. Ея испорченная жизнь, вѣроятно, сознаніе тяжелой вины и неудачи при отсутствіи свободы и страстности характера развили въ ней непріязнь къ людямъ. Ко мнѣ она относилась хорошо и учила меня иногда шить и надѣвать наперстокъ на средній, а не на указательный палецъ, какъ тогда шили въ Сибири, и подарила мнѣ маленькій наперстокъ. Уже гораздо позже ей позволено было вернуться въ Россію и жить въ монастырѣ. Къ ней можно, думаю, примѣнить вполне названіе несчастной по обстоятельствамъ и ея натурѣ. У насъ можно было свободно говорить, не боясь стѣнъ. Мать сидѣла за самоваромъ, и въ этомъ уютномъ уголкѣ могли хоть на время отогрѣваться и отводить душу тѣ люди, которыхъ судьба забросила въ такую даль и въ такую чуждую имъ среду. Мать моя наливала чай и любила слушать ихъ разговоры; кромѣ состраданія къ нимъ, она не могла не цѣнить той струи духовной жизни, которую они съ собой вносили и потребность которой она чувствовала.

Недавно читала я въ запискахъ одного русскаго купца, какое ужасное время переживала Сибирь (я говорю здѣсь только о Западной ея части, моей родинѣ) въ началѣ 19-го столѣтія; нельзя найти словъ, довольно выражающихъ всѣ ужасы, которые испытало населеніе, то варварское обращеніе исправниковъ, которые не останавливались ни передъ какими средствами, лишь бы они служили ихъ личнымъ цѣлямъ. Я ужаснулась за моихъ родителей, какое время они переживали. Не разъ слыхала я имена Пестеля и Трескина (послѣдній былъ губернаторомъ въ Тобольскѣ), злую память оставили они по себѣ. Зато съ какою благодарностью говорили о Сперанскомъ: подъ его управленіемъ отдохнуло все населеніе.

Хотя меня рано посылали спать, все же удавалось иногда кое-что схватить изъ разговоровъ, и во мнѣ рождался какой-то смутный протестъ. Прибавлю къ этому, что я видѣла каждую недѣлю партію ссыльныхъ, которыхъ вели мимо нашего дома, гремящихъ цѣпями, и всякій разъ чувство жалости къ этимъ несчастнымъ пробуждалось въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ. Не знаю, чѣму вліянію я обязана, что участь угнетенныхъ меня трогала, и, несмотря на окружающую меня жестокость, съ которою обращались съ крѣпостными, я не могла съ нею мириться. Людей продавали, какъ вещь, разразнивали семейства. Это не считалось ни предосудительнымъ, ни жестокимъ. Прислуга называлась хамовымъ отродьемъ и стояла, по общимъ понятіямъ, на болѣе низкой ступени человѣчества. А между тѣмъ, среди нихъ были вѣрные и преданные слуги, я помню дѣвушку-калмычку, Вѣру, которую мы позже взяли въ Москву; привязанность ея ко мнѣ была трогательна. Умирая въ больницѣ отъ неизлѣчимой болѣзни, она желала только одного—еще разъ видѣть меня передъ смертію. Я не была въ Москвѣ, и никто мнѣ этого желанія не передавъ,—я бы его непременно исполнила.

Мать моя была женщина умная, серьезная, хотя почти безъ всякаго образованія; „насъ учили на мѣдные деньги“.—говаривала она часто; она интересовалась политикою и, насколько тамъ было это возможно, литературой. Тогда началъ выходить „Евгеній Онѣгинъ“, его читали съ увлеченіемъ, и мнѣ, ребенку, часто приходилось слышать изъ него цитаты. Баснями Крылова восхищались и часто примѣняли ихъ къ различнымъ случаямъ жизни. „Пушокъ на рыльцѣ“,—говаривали тогда часто про людей, любившихъ поживиться.

Мать моя любила строиться, каждое лѣто она прибавляла что-нибудь въ домъ по части построекъ, и надобно было видѣть, какъ она не только смотрѣла сама за всѣмъ, но какъ она понимала все и умѣла толково указать плотникамъ и печникамъ.

У насъ жили одно время три двоюродныхъ моихъ брата, сыновья моей тетки Марьи Андреевны Романовой изъ Ялutorовска, чтобы посѣщать Тобольскую гимназію. Они были старше меня, значитъ, дружбы съ ними быть не могло, но бывали сдѣлки: когда имъ хотѣлось что-нибудь у меня выманить, они давали мнѣ кусочки красокъ, которыми я съ наслажденіемъ размалевывала боговъ и богинь въ моей миѳологіи, что мнѣ доставляло знакомство съ Олимпомъ.

Иногда пріѣзжала къ намъ сама тетушка; случалось, зимою въ ночь стучались въ ворота, и на дворъ вѣзжали съ визгомъ большія сани, въ домъ поднимался переполохъ, бѣжали навстрѣчу, накинувъ что-нибудь второпяхъ, говоръ, смѣхъ, хлопоты съ самоваромъ; и мы, дѣти, вскакивали съ постелей, дрожа и отъ волненія и отъ холода; но радость была искренняя: я очень лю-

била тетушку за ея веселый нравъ. Съ младшимъ изъ ея сыновей, Александромъ, одного возраста со мною, я была въ большой дружбѣ, и, когда онъ бывалъ въ Тобольскѣ, мы много бывали вмѣстѣ и часто сражались въ карты. Онъ былъ живого нрава и большой шалунъ, мать моя его очень любила и даже не разсердилась, когда онъ однажды исцарапалъ ея очки. Судьба разрознила всѣхъ насъ на цѣлую жизнь; Александръ умеръ молодымъ. Старшіе кончили въ Казанскомъ университетѣ, а теперь не знаю, живъ ли изъ нихъ кто-нибудь. Меня забросила судьба далеко и заставила основаться на чужбинѣ. Моя единственная подруга была Лиза, дочь Елены Васильевны Бабушкиной, съ которой дружна была моя мать;—но съ моимъ отѣздомъ изъ Сибири кончились и наши сношенія.

Когда мнѣ было лѣтъ около семи, братъ мой, Николай Каспаровичъ Эрнъ, уѣхалъ въ Красноярскъ учителемъ, за двѣ тысячи верстъ отъ Тобольска. Это былъ мой четвертый братъ; съ тѣхъ поръ ни мать моя, ни я не видѣлись съ нимъ, и писалъ онъ къ матери рѣдко, но отзывы объ немъ всегда были хорошіе. Послѣ онъ служилъ въ Иркутскѣ, былъ прокуроромъ и вице-губернаторомъ. Старшій мой братъ Гаврила и пасынокъ моей матери, Егоръ Каспаровичи, рѣшили оставить Сибирь и ѣхать въ Россію продолжать службу, что они и привели въ исполненіе въ 1829 году. Они остановились въ Твери, но въ первое же появленіе холеры въ 1830 г. братъ Егоръ палъ ея жертвою. Холеру ждали и въ Сибири; у насъ стоялъ хлоръ во всѣхъ комнатахъ, письма приходили проткнутыми, но тогда она до насъ не дошла.

Мать моя вставала рано смотрѣть за топкой печекъ, такъ какъ морозы бывали тамъ сильные. Меня она еще оставляла въ постели, пока не нагрѣются комнаты. Въ это время я могла читать;—любимой моей книгой была священная исторія; книгъ для чтенія, вообще, было очень мало: басни Крылова, да еще какъ-то попалъ въ мои руки Плутархъ,—я часто перечитывала эту книгу, и эти новые для меня образы составляли много думать. Сказокъ никакихъ не было, потому, вѣроятно, у меня и не развилась фантазія. А сказокъ очень хотѣлось; „Тысячу и одну ночь“ я знала только по имени. Ходила еще къ намъ и оставалась иногда погостить какая-то сумасшедшая,—тихое безобидное существо. Случалось, что мать моя вечеромъ выѣзжала; иногда эта сумасшедшая сидѣла у моей постели и рассказывала сказки, но, должно быть, въ нихъ такъ мало было цѣннаго, что у меня только одна—„Магнитная гора“, осталась въ памяти.

День начинался при свѣчахъ; въ зимнее время дни были ужасно коротки. Но я помню свѣтлыя сибирскія ночи, когда:

Одна заря смѣнить другую
Смѣшнѣе, да и ночи полчаса.

Этими свѣтлыми вечерами мы часто гуляли, и я помню необузданную веселость, которой мы, дѣти, тогда предавались. Когда я позже пріѣхала въ Москву, то я долго грустила, не видя болѣе такихъ свѣтлыхъ вечеровъ.

Бабушка моя, Анна Степановна Жилина, была тогда еще жива, это была маленькая, добрая старушка, у которой я иногда оставалась ночевать. Тогда посылали въ церковь за Четьи-Минеи, и я должна была читать бабушкѣ вслухъ по-славянски житія святыхъ. Только ужъ очень пострадавшихъ мучениковъ я избѣгала: ихъ страданія пугали мое дѣтское воображеніе, да что грѣха таить—у меня и до сихъ поръ осталось это чувство. Бабушка жила съ сыномъ, Григоріемъ Андреевичемъ Жилинымъ; онъ не любилъ моей матери, потому что она осмѣлилась замѣтить „братцу“ о неправильномъ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства.

Городъ Тобольскъ былъ тогда не только губернскимъ городомъ, но и резиденціей генераль-губернатора Западной Сибири, со всѣмъ его штабомъ и чиновнымъ міромъ. Позднѣе, все это главное управленіе переведено было въ Омскъ. Я хорошо помню мѣстоположеніе Тобольска на берегу широкой рѣки Иртыша, самъ городъ лежалъ частью внизу, на берегу рѣки, частью на горѣ, гдѣ на краю стояли присутственныя мѣста и домъ архіерея, и куда велъ довольно крутой взвозъ. Иртышъ—большая рѣка, особенно въ половодье, когда вода подходитъ близко къ домамъ и частью затопляетъ ихъ. Тогда случалось, что, сговорясь со знакомыми, мы переѣзжали на паромѣ на другую сторону рѣки пить чай, брали съ собою самоваръ и всѣ прочія принадлежности. На зеленомъ берегу разстилался коверъ, вынимались чашки, скоро закипалъ самоваръ, и веселый говоръ оживлялъ и людей, и всю картину, и теперь она такъ жива еще въ моей памяти! Подобныя экскурсіи повторялись и въ продолженіе лѣта; иногда на огромной лодкѣ мы плыли по широкой водяной поверхности и доѣзжали до слиянія Тоболя съ Иртышемъ; темная вода Тоболя долго не смѣшивалась съ свѣтлой водой Иртыша.

Вскорѣ послѣ двухъ старшихъ братьевъ уѣхалъ служить въ Россію и третій братъ, Иванъ Каспаровичъ. Николай, какъ я уже прежде сказала, еще раньше уѣхалъ въ Красноярскъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда брата Ивана, скончалась въ ночь моя бабушка безъ болѣзни, безъ страданій, безъ агоніи, 84 лѣтъ отъ роду. Она буквально заснула непробуднымъ сномъ. Еще днемъ она была на ногахъ. Къ вечеру за нами прислали, и въ эту ночь я была съ матерью у бабушки, которая почивала; часто подходили мы къ спящей, но конца не замѣтили. Поднесли зеркало, оно не затуманилось.

Послѣ смерти бабушки и отъѣзда братьевъ остались съ матерью только я да братъ Миша, который былъ тремя годами старше меня. Чувство ли одиночества, желаніе ли посмотрѣть Россію, убѣжденія ли братьевъ, которые уже не думали воротиться въ Сибирь,—не знаю, что заставило мою мать рѣшиться оставить домъ, хозяйство, самостоятельную жизнь и родину. Я думаю, все-таки, главной причиной была надежда на сыновей, что они успокоятъ ея старость, что ей, которой счастье не улыбалось въ жизни (мать моя вышла замужъ за отца, когда ему было уже 50 лѣтъ и по всѣмъ вѣроятностямъ по приказу родителей), придется радоваться хоть на дѣтей. Но и этого не выпало ей на долю; съ дѣтьми ей не пришлось жить вмѣстѣ и, разъ оставивъ свой собственный уголъ, уже не удалось устроить себѣ новый. Она никогда не жаловалась, сносила терпѣливо свою трудную жизнь, старалась найтись во всѣхъ обстоятельствахъ и была постоянно занята. У меня было всегда одно стремленіе успокоить ея старость, и, далъ бы ей Богъ вѣку, я взяла бы ее къ себѣ, когда вышла замужъ. Я долго не могла побѣдить горестнаго чувства послѣ ея одинокой кончины, да оно и теперь не угасло, что мнѣ не удалось исполнить моей завѣтной мысли. Я была заграницей, когда она скончалась.

Возвращаюсь къ нашему отъѣзду изъ Сибири. Какъ это сдѣлалось, и сколько времени продолжались раздумье и сборы, не умѣю сказать; помню только фактъ отъѣзда. На дворѣ стоялъ нагруженный тарантасъ, вокругъ много людей, которые прощались съ нами, отъѣзжающими. Помню дальше, какъ переѣзжали вбродъ какую-то рѣчку уже вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, ѣхали молодымъ лѣсомъ, вѣтви котораго били по верху тарантаса, подъ колесами хрустѣли камушки, и какъ будто тутъ только созрѣло во мнѣ сознание, что случилось что-то, и чувство разлуки охватило меня...

Все, что я рассказываю о Сибирской жизни, только дѣтскія воспоминанія: мнѣ было лѣтъ около двѣнадцати во время отъѣзда, и поэтому общественной жизни я не помню, такъ какъ не была ея участницей. Я не помню даже точно годъ нашего отъѣзда изъ Сибири, 1834 или 1835, скорѣе послѣдній. Нашъ путь шелъ на Вятку, гдѣ служилъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Тюфяевѣ, братъ мой, Гаврило Каспаровичъ. Мы ѣхали черезъ Тюмень, гдѣ останавливались на нѣскольکو дней у тетушки, Натальи Андреевны Поповой, сестры моей матери. Потомъ заѣзжали къ знакомымъ въ Камышловъ. Далѣе переѣзжали Уральскій хребетъ съ его длинными и крутыми горами; на одну гору, около Кунгура, даже здоровая тройка лошадей не могла поднять насъ: дорога отъ частыхъ дождей размокла, надобно было дать лошадямъ вздохнуть, подъ колеса подкладывали брусъ, чтобъ экипажъ не покатился. Иногда были

красивые виды, но осень уже чувствовалась, часто падали дожди, мы ѣхали въ августѣ стараго стilia, сырость и туманъ часто заволакивали окрестности. Не мало было и страху: рассказывали о ночныхъ разбояхъ; и немудрено, это былъ трактъ, по которому водили ссыльныхъ въ Сибирь; нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось бѣжать, они должны были скрываться, имъ не оставалось ничего иного, какъ грабить проѣзжающихъ. Тѣмъ не менѣе, мы ѣхали днемъ и ночью, мать моя была не трусливаго десятка. Только въ Перми мы переночевали, потому что, въ самомъ дѣлѣ, было опасно ѣхать далѣе ночью, окружающимъ Пермь густымъ лѣсомъ, настоящей еловой чащей. Нерѣдко случалось тамъ, что отрѣзывали чемаданы.

Въ Вяткѣ я пробыла только короткое время, и воспоминаніе о ней у меня неясное; но въ Вяткѣ я въ первый разъ видѣла Александра Ивановича Герцена, который находился тамъ въ ссылкѣ. Онъ былъ знакомъ съ моимъ братомъ и бывалъ у насъ. На меня, ребенка,—мнѣ было лѣтъ около двѣнадцати, онъ произвелъ впечатлѣніе; какъ теперь помню его оживленную фізіономію, его сѣрые, живые глаза; худой, средняго роста, съ огромнымъ бантомъ (на галстукѣ), онъ сидѣлъ на стулѣ со шляпою въ рукахъ и оживленно говорилъ. И въ Вяткѣ въ то время не было школы для дѣвочекъ, не было и „несчастныхъ“, которые могли бы давать уроки. Герценъ далъ совѣтъ везти меня въ Москву и отдать въ пансіонъ. Въ Вяткѣ я очень скучала, мать моя заставляла меня работать и, между прочимъ, дѣлать переводы, которые я должна была показывать Герцену; мнѣ было конфузно, а ему, вѣрно, неинтересно. Къ счастью мы скоро собрались въ путь; мать моя, братъ и я отправились въ декабрѣ въ Москву. Опять длинная дорога; мнѣ помнится, что мы цѣлую недѣлю ѣхали въ огромныхъ полуоткрытыхъ саняхъ. У меня на ногахъ не было даже теплыхъ сапогъ, зато было столько перинъ и подушекъ, что нельзя было замерзнуть.

И вотъ я, проѣхавъ тысячу верстъ изъ Вятки, очутилась въ Москвѣ. Опять другая, совершенно различная обстановка. Александръ Ивановичъ далъ намъ письма къ своему отцу. Въ воспоминаніяхъ моихъ много пробѣловъ, и только нѣкоторыя событія являются, какъ просвѣты въ окружающемъ ихъ туманѣ. Такъ остался въ памяти нашъ первый визитъ въ домъ отца Герцена, впечатлѣніе всей обстановки, на которой лежало что-то неживое. Барскій домъ, передняя, полная лакеевъ, и все точно застыло: говорили тихо, ходили неслышно. Въ одинъ нашъ пріѣздъ изъ длиннаго корридора выбѣжало мнѣ навстрѣчу маленькое блѣлое существо съ голубыми глазами, которое, повидимому, не боялось быть живымъ. Это была Наташа Левицкая, кузина Герцена, дочь Льва Алексѣевича Яковлева, живая, умненькая дѣ-